

EX LIBRIS

© 1999

Букалов А. В., Карпенко О. Б.

КОММЕНТАРИИ К РАБОТЕ К. ЯРОША
«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ. ИОАНН ГРОЗНЫЙ И ПЕТР ВЕЛИКИЙ»

Проф. К. Ярошъ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.

ИОАННЪ ГРОЗНЫЙ И ПЕТРЪ ВЕЛИКИЙ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Адольфа Дарре, Московская ул., № 19.
1898.

Ярош К.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.
ИОАНН ГРОЗНЫЙ И ПЕТР ВЕЛИКИЙ

(Продолжение. Начало в № 1, 1999)

К сожалению, богатству умственных дарований Иоанна Васильевича не соответствовала надлежущая степень твердости характера и практического умения проводить идеи в жизнь. Личность царя, рассматриваемая с этой стороны, представляет собою печальное зрелище слабой воли и болезненной, чуткой впечатлительности. Стоя во главе обширного государства, Иоанн нередко обнаруживал чисто женскую слабонервность. Жизненные невзгоды пригнетали его дух; он истерически плакал, например, при неудаче своего первого похода на Казань. Трудные обстоятельства и случайные бедствия не поднимали его энергии и не возбуждали его мужества на защиту вверенной ему Богом страны; напротив, они наводили на него панический ужас, как сам он свидетельствовал, говоря: «вошел страх в душу мою и трепет в кости мои». Это паническое смятение духа, как результат болезненной впечатлительности, иногда внушало

ему непреодолимое желание скрыться от суеты мирской под монашескою мантией или бежать куда глаза глядят из-под гнета житейских затруднений; известно, что он выпрашивал себе гостеприимства в Англии на случай такого бегства. Имея твердые убеждения, он не находил в себе решимости для твердого их осуществления. Он охотно обнаруживал свои мысли в слове, устно и письменно, на народной площади, на церковном соборе или в беседе с боярами или послами. Но там, где нужны были поступки, самое твердое его намерение и убеждение останавливались нередко на полпути. Будучи, например, вполне уверен в своем праве на царский титул, он проявил томительную нерешительность при отстаивании этого титула в спорах с иностранными державами. Далее, прекрасно понимая свойства и политическое значение своих соседей, крымского хана, Стефана Батория, шведского короля и др., Иоанн, однако же, не умел установить с ними определенный *modus vivendi* и постоянно переходил от гордой заносчивости к излишнему самоуничижению. Благодаря такому духовному складу, личность Грозного расплывается, двоится и колеблется в глазах наблюдателя; в этой личности черты героя переплетаются с чертами труса, и образ мудреца сливается с образом мечтателя. Но эта именно смутность личности царя и характеризует наилучше его настоящую сущность, ибо составляет вернейший признак безвольного человека. Некоторые историки, видя легкость переходов Иоанна от добра ко злу, считают его легкомысленным существом, лишенным твердых убеждений, склонным к подчинению чужим влияниям и способным жить одними минутными вспышками. Но это мнение неверно. Колебания, непостоянство и смута замечаются лишь на поверхности внешней, практической деятельности Грозного, тогда как, вглядываясь в глубину этого хаоса поступков,

мы часто можем различать таящуюся в ней определенность мыслей и чувств. Много раз лица, окружавшие Иоанна и наблюдавшие его вспышки, которые казались им случайными и беспричинными, замечали, что царь не забывал опального человека и неустанно следил за ним враждебным взором десятки лет. Такие факты поражали близоруких наблюдателей своею странностью, тогда как они, на самом деле, являлись прямыми и естественными результатами моральной сущности Иоанна, которую можно формулировать словами: могучий интеллект в сетях безволия.

Комментарий: подчеркнуты безволие и эмоциональность царя, а также алогичность многих его поступков. Можно сформировать предварительное суждение: ведущие функции блока ЭГО — эмоции ■ и интуиция времени Δ, функции сенсорики и логики носят подчиненный характер, прослеживается свойственная β-кварте идеологическая установка. По всей видимости тип Иоанна — этико-интуитивный экстраверт (■Δ).

Вполне понятно, что человек очерченного духовного склада, будучи поставлен судьбой в самый центр обширной практической деятельности, должен был постоянно искать людей, которые могли бы послужить орудиями для его планов, осуществителями его идей и исполнителями недостававшей в нем деловой энергии. Иоанн Васильевич, действительно, искал себе таких орудий для проведения в жизнь намерений и теорий, которые так ярко очерчивались в его мысли, так горячо отзывались в его сердце и, по временам, так рельефно выражались в его слове. В этих поисках людей дела Грозный руководствовался интересами государства, так как он выбирал не тех, кто был приятен ему лично, а останавливался на лицах, репутация которых позволяла возлагать на них большие надежды. Достаточно вспомнить приближение Сильвестра, Адашева, Филиппа, Бориса Годунова и др. Но, к сожалению, царю приходилось часто разочаровываться в призванных слугах и убеждаться в негодности выбранных орудий.

Комментарий: стремление интуитивного царя найти сенсорную опору своей власти, практичных — прежде всего сенсорных — помощников и реализаторов его устремлений.

И в самом деле, припомним в сжатых чертах факты. От матери Иоанн унаследовал Россию под управлением нескольких бояр, которые оспаривали друг у друга возможность обратить страну на служение своей личной и семейной корысти. Говоря об этих людях, Иоанн замечал впоследствии, что они «правити мнящесь и строити, а вместо сего неправды и настроения многия устроиша, мзду безмерную от всяких избирающе и вся по мзде творяще и глаголюще»; эти политики, вместо забот о государстве, только «премесишася богатству и славе и скачаше друг на друга». Такое свидетельство царя вполне подтверждается описанием летописца, который говорит, что эти правители России «свирепствовали аки львове» и что даже «люди их были аки звери дивии до крестьян». Монархический принцип, этот плод многовековых усилий русского народа и девиз единения России, был в полном пренебрежении. Бояре-правители игнорировали его, они растаскивали собранную власть на части, они толпились в царских хоробах как на площади, они раскладывали ноги на постели покойного родителя царственного отрока и, в пылу взаимных корыстных споров, врывались ночью в опочивальню последнего, на его глазах расправлялись со своими недругами, били по щекам и убивали людей, которых подозревали в опасной для себя близости к юному царю.

Первым действием пробудившейся самостоятельности Иоанна было устранение Андрея Шуйского. Царь велел псарям убить этого представителя тогдашней анархии и вольницы, этого героя корысти и произвола. Молодой правитель России решил опереться на Воронцова и на своих родственников Глинских, но опора весьма скоро оказалась ненадежною. Царским слугам хотелось быть господами. Память о своеволии Шуйских распалая вожделения Федора Воронцова, и он не мог оторвать свой взор от соблазнительной перспективы стать повелителем страны и самовластным раздавателем милостей. Малейшие ограничения его произвола причиняли ему горькое ощущение обиды: «если кого, — говорит летописец, — государь пожалует без Федорова ведома, то Федору досадно». Притязания этого приближенного встречались с такими же притязаниями Глинских. А в это же самое время вокруг кипели и вздувались другие жадные страсти, искавшие случая захлестнуть мутною волной личной и родовой

личности ступени царского трона. Хватаясь за всякий предлог, пользуясь всяким случайным бедствием, претенденты на власть над государством и государем волновали народ и сеяли смуту. Они надеялись, что катастрофа очистит им удобное и выгодное место. Ужасаясь видом этого хаоса, Иоанн Васильевич утверждался в своих политических взглядах, которые он унаследовал от предков, и почерпнул в сокровищнице накопленных веками религиозно-политических понятий своего народа. Он убеждался в истинности своей теории, а именно, что благополучие России может быть обеспечено лишь высотой престола, перед которым нет любимцев и нелюбимцев, а все в одинаковой мере подданные, слуги царя и государства, с единственным различием по степени личных заслуг пред отечеством. С этою мыслью «привести всех в любовь» Иоанн начал искать себе помощников в среде непривилегированных лиц, начал употреблять в виде орудия осуществления своих идей скромных слуг закона и царского указа, дьяков и «писарей безродных», подобно тому, как и французские собиратели власти опирались в своих стремлениях на помощь легистов. В это время призваны были царем Сильвестр и Адашев. О первом Иоанн говорил: «совета ради духовна и спасения ради души своей приях попа Сильвестра». О втором же он писал: «взях его от гноища и учиних с вельможами, чающе от него прямыя службы». На Адашеве привлекла царское внимание его репутация как человека благочестивого и честного, без притязаний и партий, то есть именно такого, какие нужны были Иоанну. «Слышал я, — говорил ему Грозный, — о твоих добрых делах и я тебя пожелал, и не одного тебя, но и других таких же, кто б печаль мою утолил и на людей, врученных мне Богом, призрел».

Комментарий: в отношении к окружающим как только лишь подданным престола, чей произвол, даже неопасный, необходимо укротить, прослеживается признак «аристократизм» и рациональная установка. Поведение подданных пугает человека со слабой сенсорикой (●₆) и чрезвычайно чувствительными эмоциями (■₁). Интуиция времени (Δ₂) проявляется как чувство опасности, предвидение возможных неприятностей, ожидание наихудшего исхода происходящего, недоверие. ■ в сочетании с Δ заставляет реагировать на любые слухи и домыслы.

Как бы горячо ни прославляли некоторые историки личность Сильвестра, в этой личности незаметно ничего, что вызвало бы у нас восторг и преклонение. Обладая многими скромными добродетелями, каковы: аккуратность, уравновешенность, домовитость, Сильвестр был лишен дальнорзости ума и чувства. Он был по природе уставщиком жизни, знатоком и исполнителем сложившегося кодекса текущего житейского обихода. Ему совершенно чужда была способность Ришелье понимать задачи эпохи и запросы будущего страны. Он принадлежал к числу педантов, которым всякая чужая возносящаяся мысль кажется фантазией и баловством. Сильвестр не понимал свойств царя, на служение которому был призван. Видя непрактичность и слабование Иоанна, он наивно счел его безличностью и, далекий от мысли войти в дух царских намерений, постараться о проведении в жизнь царских теорий, он отнесся ко всем этим намерениям и теориям как к продуктам пустого воображения. В силу этого он не понял своего назначения и вместо того, чтобы стать верным слугой Иоанна, он счел уместным сделаться его опекуном и заместителем. Отмахиваясь от царских «фантазий», близоруко эксплуатируя царскую религиозность, наивно стараясь запугать Иоанна «детскими страшилами» наказания Божия, Сильвестр ограждал покой своей мелкой деловитости и любезной его сердцу рутины. Но рутинность не дает человеку прочного оплота, она, как болото, втягивает и засасывает всякого, кто имел неосторожность ввериться ей. Иоанн прекрасно видел, куда клонилось дело. Он видел, что Сильвестр «восхитился властью», что он «нача совокуплятися в дружбу подобно мирским» и «ни единыя власти не оставиша, где своя угодники не поставиша». Таким образом, царь понимал, что его новое орудие уподобляется брошенному за негодностью старому и что его новые деятели «худородные» выступают на прежний путь, ведущий к потускнению царской власти и к загрязнению политики интересами лиц, их родственников, сторон и партий. Но, сознавая беспомощность своего безволия, и по инертности, свойственной слабохарактерному человеку, Иоанн терпел столь противный его заветным убеждениям ход дела, пока не произошло событие, насильно принудившее царя оставить долголетнюю, поразительно выносливую пассивность.

Комментарий: отношение к Сильвестру как носителю недостающих сенсорно-логических качеств.

Мы подразумеваем болезнь Иоанна Васильевича, во время которой бояре с отцом Адашева во главе «восшатаяся яко пьяные» и с криком и гамом вокруг одра больного царя отказывались присягать его сыну, между тем как Владимир Старицкий заявлял притязания на престол, а Сильвестр сочувственно относился к этой преждевременной кандидатуре. Что думал и чувствовал Иоанн среди этого всколыхавшегося своеволия и предательства, можно понять из слов, сказанным им Захарьиным и другим верным людям: «Если я умру, не дайте боярам сына моего извести, но бегите с ним в чужую землю, куда Бог вам укажет. А вы, Захарьины, от бояр будете первые мертвецы, так вы бы за сына моего и за мать его умерли, и жены моей на поругание боярам не дали». Таким образом, карты действующих лиц в данный момент были открыты и Иоанну было ясно, с кем он имеет дело. Он понимал, что ему предстоит снова раскопать образовавшуюся вокруг Сильвестра крепко сколоченную партию и разорвать новую сеть, наброшенную новым комплотом на трон и государство. Семь лет колебался Иоанн перед этой задачей, семь лет видел он отъезды недовольных, пассивное недоброжелательство приближенных, свое возраставшее одиночество и брюзжание скрытой неприязни Сильвестра. Наконец, слабовольный человек не выдержал и разразился взрывом жестокости, вспышки которой, впрочем, бывали не раз и прежде.

Историки справедливо замечают, что Иоанн не имел врагов настолько солидных и опасных, чтобы против них уместно было употреблять серьезные «героические» средства. И в самом деле, перед Иоанном не поднимались твердыни феодальных замков, к нему не предъявлялись политические программы прочных, исторически сложившихся сословий. Боярство не представляло собою определенного государственного класса, с каким-либо определенным политическим смыслом и своеобразною сословною честью. Боярская среда была лишь конгломератом личных притязаний, где никогда не зарождалось дружных, солидарных стремлений, а всегда бывало лишь соперничество поколений отдельных лиц или родов и сторон. Бояре не предъявляли каких-либо хотя бы мнимых политических прав; они пытались только эксплуатировать на пользу своих appetitов факт своего происхождения от князя Владимира Святого или исторический факт своей старинной дружинной близости к средоточию правительственной власти. В понимании Курбского монархические планы Иоанна слагались в следующую наивную формулу: «Царь хочет один веселится на земли». И вот бояре, ревнуя к этому «веселию», ломались в «советники» к царю, вместе с которым им хотелось «держать» Русскую землю. России никогда не угрожал аристократический режим, но ей грозило расхищение власти, разнесение ее на части, по партиям, даже по семействам. Иоанн не имел перед собой в лице своих противников сколько-нибудь солидных государственных людей, в истинном смысле этого слова. Перед ним были лишь любители «веселится на земли», сторонники произвола. Стоит вспомнить для примера знаменитого князя Курбского, с его неуживчивостью, строптивостью и властолюбием. По отъезде в Литву он достаточно показал свою политическую сущность, возбудив ненависть своих соседей, обнаружив хроническое неповиновение королевским указам и самое дикое своеволие. Этот строгий судья чужой жестокости продержал полтора месяца двух человек в яме, наполненной пивьяками...

Иоанн отлично понимал своих врагов, он видел, что они «всяческим образом дивьяго зверя распалются» в жажде простора произволу и что им нужен государь, который «ни чим же собою владеюще понеже от всех повелеваем есть». Иоанн понимал смысл их притязаний быть «царскими советниками». Он знал, что народ ненавидит этих советников, которые толпятся у трона, заслоняют землю от государя, компрометируют его власть своими беззакониями и укрываются царскою порфирой от суда и ответа. Иоанн знал народный взгляд, нашедший себе выражение в афоризмах книжников-публицистов с древнейших времен: «князь не сам впадает во многия вещи злыя, но думцы вводят» или «всяк милостник подобен есть змеи запазушной». Зная все это, понимая, что единственную опасность для сердечных отношений между русским народом и престолом составляют эти навязчивые, патентованные «советники», Иоанн хотел отстранить их в разряд вообще граждан России и слуг отечества.

Таким образом, Иоанну Васильевичу не приходилось давать сражения феодалам и осаждать их замки. Его враги ютились в его собственном доме. За каждою дверью, на каждом пороге он встречал их упорно жадные взоры и исполненные тайных вожелений фигуры. Но эта-то именно близость врага угнетала и раздражала впечатлительную душу царя. Лишенный практичности он терялся в бесконечных

мелочах борьбы; его слабая воля изнемогала в тенетах этой вечной домашней дрязги. Вместо того чтобы поправить дело рядом постепенных, систематических мероприятий, Иоанн приходил в нервное иступление. После многих разочарований в выборе орудий деятельности, он чувствовал панический ужас. А между тем как раз в это время Курбский изложил свои взгляды, снял маску со своей партии и бросил царю угрозу: «не мни нас, яко уже погибших!» Иоанну показалось, что у ног его разверзлась бездна. В крайнем смущении он заметался из стороны в сторону, беспокойно переезжал с места на место, помышлял о бегстве в Англию и, наконец, уединился в опричнину.

С истерзанною душой, с изнуренным муками телом он заперся в Александровской слободе, отделил ее крепкими стенами от остальной России, с ее старым нестроением, победить которое у царя не хватило сил и умения. Иоанн сформировал вокруг себя отряд людей, знавших только царя и разорвавших всякие узы родства и дружбы со всем посторонним миром. Среди этого отряда опричников, которых бояре называли «сатанинским полком», Иоанн облек свое существование в монашеские формы, посещал заутрени, обедни, и на лбу его оставались знаки от усердных и крепких земных поклонов. Здесь человек, потерявший духовное равновесие, тянулся, казалось, трепетными руками укрыться покровом религии. Но в уединении Александровской слободы Иоанн спасал не одну лишь собственную личность, — вместе с ним здесь замкнулся и его идеал монарха, его формула царской власти. Как в беспорядочном бреде больного человека можно подслушать его основные грезы и стремления, так и в судорожных движениях Иоанна за 1564 год можно уловить господствовавшие идеи и мечты царя. С полной ясностью мы видим, что Грозный хотел очистить государственную жизнь страны от сора всяких жадных притязаний, он стремился обратить клокотавшие вокруг него политические похоти в доступную для всех талантов гражданскую службу и должность, он надеялся видеть Россию, осеняемую во всех частях равномерно правдой и защитой с высоты престола. Эти мечты царя перешли в наследство будущим векам нашей истории, но сам Иоанн придумал для осуществления их совершенно негодное средство. Опричнина есть непрактичнейшее изобретение непрактического человека, и в этом смысле она является типичнейшим созданием Иоанна, рассматриваемого с точки зрения печальной односторонности его существа. Опричнина, как бездушная сила, как мертвая секира, не могла служить разумным проводником каких-либо созидательных политических планов; она не способна была помочь технической неумелости Иоанна, она не могла поддержать и целесообразно направить колеблющуюся и слабую волю царя. Какой пользы можно было ожидать от Малюты Скуратова и ему подобных, от этих «царских собак», умевших только бросаться, сломя голову, по мановению царской руки? Сама по себе хаотичная и тягостная стране, опричнина была лишь расширением недостатков и слабостей Иоанна; благодаря ей, каждое судорожное движение царя сообщалось на далекие пространства из края в край государства. Разочаровавшись в поисках удобного орудия управления, изболевшись своею не в меру впечатлительною душой, преисполняясь гнетущего ощущения сиротства, Иоанн схватился за опричнину и ринулся вперед, размахивая направо и налево этим страшным оружием. Кровь брызнула повсюду фонтанами, и русские города и веси огласились стоном. Иоанн не мог не видеть печального оборота дел: никто из современников не замечал в его лице улыбки довольства. Но нерешительная, слабая воля раскалилась, и Грозный не мог остановиться. Самое сознание дурных поступков раздражало его и побуждало делать другие, еще худшие. Разгоравшееся пламя его душевного ада извергало все бóльшую и бóльшую лютость. И вот, пред нами казни, пытки, истребление новгородцев, сыноубийство, угар крови и психопатическое бешенство. Со стесненным сердцем взираем мы на эти сцены ужаса; трепетною рукой перелистываем страницы знаменитого Синодика, останавливаясь с особенно тяжелым чувством на кратких, но многоречивых отметках: помяни Господи душу раба Твоего такого-то — «смертью, изженою, иссыном, издочерью»...

Комментарий: создание опричнины послужило усилению и защите функции волевой сенсорики ●₆. Жестокость слабовольного человека неуправляема, и в то же время активизирует его самого. Далее включаются эмоции ■, и образуется порочный круг. Историк постоянно подчеркивает «истерзанность тела» Иоанна — это жалобы по 4-й функции — сенсорике ощущений ○.

Но, бросая еще раз взор на печальное зрелище рассматриваемого момента отечественной истории, оглядывая нагроможденные пред нами тела людей, истекающих кровью и бьющихся в конвульсиях агонии, мы различаем среди них человека, бывшего причиной их мучения. И что же мы видим? Мы видим, что этот человек отнюдь не наслаждался злом, которое сеял. Среди страдальцев он мучился сам. Мы видим его согбенную фигуру, обливающуюся холодным потом страха пред загробным судом и осуждением; мы различаем смуту его беспорядочных движений, его молитвенные земные поклоны, сменяющиеся смертными приговорами, и его дрожащие руки, размахивающие мечом мести, затем простирающиеся к кресту, чтобы в следующую минуту снова схватиться за орудие казни. Мы слышим его потрясающий душу вопль: «Тело мое изнемогло, болезнует дух мой, струпы душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы меня исцелил! Ждал я кто бы со мною поскорбел — и нет никого, утешающих я не сыскал!.. Молитесь о моем окаянстве, чтобы Господь даровал отпущение моих грехов!» Не удивительно, что столь многие лица, изучая рассматриваемую эпоху, останавливались в нерешимости, ответить ли на этот вопль страдальца жалостью и участием, или отвернуться от палача с суровым осуждением.

В силу приведенных соображений, а также памятуя твердо, что Иоанн не вторгался в святилище народной души, не разбивал хранившихся там кумиров, но напротив мудро прозревал условия будущего роста своей страны, — мы получаем возможность понять, почему народная память ограничилась присоединением к его личности наименования «Грозный» и почему она не проводила его в могилу своим проклятием.

(продолжение следует)